

КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНА
В ПОИСКАХ СМЫСЛА:
СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИИ

Нечаев Иван

Позиции философии в современном обществе. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 45-летию философского факультета Уральского государственного университета им. А.М.Горького, том 2. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2010.

2012

КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНА В ПОИСКАХ СМЫСЛА: СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИИ

С конца 1990-х годов как в массовой культуре, так и в науке бытует мнение, что постмодернизм «вышел из моды» (1; с. 4). В течение всего последующего времени было предпринято много попыток определить и дать название эпохе, следующей за постмодернизмом, но ни одно из предложенных обозначений пока еще не стало частью господствующего течения.

На конференции, посвященной исходу постмодернизма, состоявшейся в 1997 году под патронажем Чикагского университета, множество философов, культурологов, антропологов, социологов и других ученых пришли к выводу, что «мы продолжаем критиковать модерн, но ... уже вышли за границы абсолютной своевольности, которую провозглашает постмодернизм. Мы подвергаем сомнению все установленные принципы, но это еще не означает, что что-то меняется» (2). [здесь и далее перевод автора – Нечаева И.В.] Тем не менее, в ходе данной конференции был выявлен ряд процессов, свидетельствующих о происходящих изменениях культурного климата, таких, как формирование новой этики, новой истины, новой объективности, новой искренности и т.д. Возникает необходимость новой интерпретации старых норм. Конференция продемонстрировала многообразие концепций и подходов, связанных с попыткой определения новых культурных векторов эпохи.

Прогнозы относительно того, какие же именно перемены стали началом ее формирования, едва ли могут быть точными - ведь сама эта эпоха находится пока еще на ранней стадии своего формирования. Несмотря на разногласия, возникающие в попытках охарактеризовать пост-постмодернистскую культурную парадигму, прослеживается общий положительный настрой. Многие участники симпозиума видят позитив в том, что вера, доверие, диалог, поступки и искренность могут способствовать выходу за рамки «коронной ироничности» постмодернизма. В то же время представители целого ряда альтернативных теорий пытаются обозначить признаки эпохи «после-постмодернизма».

В 1995 году английский ландшафтный архитектор и городской планировщик Том Тернер посвятил целую книгу (3) призыву перехода к пост-постмодернизму в городском планировании. В ней Т. Тернер критикует кредо постмодернизма «все меняется» и заявляет, что «профессии искусственного создания окружающей среды свидетельствуют о постепенном расцвете пост-постмодернизма, стремящегося к сочетанию основания и веры» (3; с. 9). В частности, Т. Тернер приводит доводы в пользу использования в городском планировании вневременных органических и геометрических конструкций, что уже нашло проявление в возводящихся сооружениях, использующих в своем ассоциативном ряду строения предметов органического мира, таких как раковины, крылья стрекозы и т.п. В качестве источников предлагаемых конструкций он ссылается на американского архитектора Кристофера Александра, гештальтпсихологию и концепцию архетипов Карла Юнга. Попутно Т. Тернер, иронизируя по

поводу терминологии, призывает «принять пост-постмодернизм и молиться за лучшее название» (3; с. 10).

Как показывает обзор тенденций, дефицита в предлагаемых названиях не наблюдается. В частности, американский теоретик культуры Эрик Ганс в 2000 году для описания новой формирующейся культурной парадигмы ввел термин «пост-миллениализм», очевидно, почерпнутый из теории христианского учения (4). Э. Ганс сравнивает постмодернизм с так называемым, «жертвенческим мышлением», которое он основывает на негласном этическом делении на агрессоров и жертв. В рамках данного понятия он отмечает, что, если у человечества нет четкого плана по изменению окружающего мира, только негодование может подсказать, что именно требует перемен, и в ходе конкуренции, обладающие наибольшей поддержкой негодования будут определены пригодными к существованию. Таким образом, автор приходит к выводу, что этика постмодернизма основывается на отождествлении с «жертвой» и презрении к «агрессору», что приводит к попыткам изменить следствия и невозможности достигнуть сути утопий. В отличие от постмодернизма, пост-миллениализм характеризуется отказом от жертвеннического мышления и переходу «жертвенническому диалогу» (5), который позволит «уменьшить количество негодования в мире».

Попытка использовать этические термины для определения пост-постмодернистской эпохи была предпринята американцем немецкого происхождения Славистом Раулом Эшельманом в его книге «Performatism, or the End of Postmodernism». С.Р. Эшельман, который ввел в 2000 году

термин «перформатизм» (б), попытался показать, что творения, относящиеся к новой эпохе, создаются таким образом, чтобы привнести единый, эстетически установленный опыт превосходства над творениями прежних эпох. Для достижения данного эффекта перформатизм создает закрытые произведения искусства, которые вынуждают зрителей наделять их скрытыми персонажами или ситуациями и испытывать красоту, любовь, веру и превосходство, побужденные специфическими, неестественными условиями. С.Р. Эшельман применяет предложенную модель к литературе, кино, архитектуре, философии и искусству, приводя в качестве примеров роман Янн Мартел «Жизнь пи», фильм «Красота по-американски», реконструкцию Норманом Фостером купола Рейхстага в Берлине, философию Жак-Люка Мариона и картины Ванессы Бикрофт. В основе данной концепции находится понятие перформанса, которое не является новым и неизведанным, но приобретает новое значение. Как отмечает автор, в модернистском авангарде в рамках понятия перформанс на передний план выходит грань между жизнью и искусством, в постмодернизме оно объединяет в художественном контексте человеческое тело и субъект, но предлагаемый концепт значительно отличается от предыдущих. Новое понятие перформанса не пытается вывести на первый план или контекстуализировать субъект, а старается сохранить его: субъект представляется как целостная, неделимая единица, способная произвести комплексное впечатление на наблюдателя. Одним из проявлений критики постмодернизма является обвинение в перемене концептов «хорошего» и «плохого» местами; в свою очередь, перформатизм абстрагируется от этих понятий, точнее, от их применения по

отношению к составляющим частям действительности. Таким образом, перформатизм является собой теорию целостного отображения действительности в сочетании с отходом от дуализма в оценках (а иногда и вообще их отсутствием). Иначе говоря, С.Р. Эшельман определяет перформатизм как эпоху, в которую целостный и неделимый концепт закрытости субъекта и признака начинает конкурировать с разобренным концептом частной трансгрессии постмодернизма (7).

В 2005 году, выступая на конференции Ассоциации искусств Австралии и Новой Зеландии, Николас Буриод (8) представил научному миру свою концепцию процессов, происходящих в контексте глобализации. Н. Буриод объясняет, что в данный момент в культуре происходит трансляция культурных ценностей локальных групп в глобальное пространство и внедрение их во всемирную сеть. Такой «процесс загрузки» модернизма, согласующийся с задачами XXI века, может быть назван «альтермодернизмом», движением, характеризующимся креализацией культур, борьбой за независимость, а также возможностью отхода от стандартизированного мира в сторону оригинальности. По Н.Буриоду, альтермодернизм определяет особую реальность, согласуясь со специфичным культурным контекстом, в котором мы живем, – глобализацией, ее культурными, экономическими и политическими условиями. Использование префикса «альтер-» служит для обозначения того факта, что исторический период постмодернизма подходит к концу, и указывает на локальную борьбу против стандартизации. Данная концепция не отрицает постмодернизм и построена на принципе преемственности, последовательного перехода из одной парадигмы в другую. За

основу новой формирующейся реальности Н.Буриод принимает, присущий постмодернизму, опыт блуждания – во времени, пространстве и промежуточных стадиях. Очевидно, что альтермодернизм может пониматься как художественное проявление более широких понятий гипермодернизма или супермодернизма.

Гипермодернизм (в большинстве случаев является синонимом супермодернизма) отражает углубление или интенсификацию современности. Его базовые особенности, изложенные в опубликованном в 2006 году труде С. Чарльза и Г. Липовецкого «Hypermodern Times», включают глубокую веру в способность человека понять, контролировать каждый аспект человеческого опыта и управлять им. Приверженцы данной концепции пропагандируют постепенный или полный отказ от прошлого, так как вчерашнее знание всегда меньше, чем сегодняшнее, которое определяется абсолютно другим контекстом. В рамках данной концепции утверждается, что артефакты прошлого излишне загромождают культурный ландшафт и могут быть с легкостью повторно использованы для производства еще большего количества артефактов, которые утратят для людей первоначальное значение. Таким образом, прослеживается отсутствие интеграции между прошлым и настоящим. Приверженцы концепции гипермодернизма полагают, что она, в отличие от предыдущих эпох, предлагает больше причин и возможностей для личного выбора и свободы. Все предшествующие эпохи лишь давали надежду на рациональные перемены, продолжая иметь дело с историческим набором проблем и сложностей, в то время как гипермодернизм основывается на том, что вещи изменяются слишком быстро, и

история уже не является надежным проводником. Считается, что о позитивных переменах такого подхода, свидетельствуют улучшения физического здоровья, уровня жизни, прогресс в медицине и т.п. По мнению сторонников, извлекая выгоду непосредственно из этих факторов, человечество и культура могут выйти за пределы естественных ограничений, определяющих существование на Земле. При этом нельзя не обращать внимания на негативные последствия, способные привести культуру, как к мертвой однородности, так и к возрастающим несоответствиям между различными классами и группами.

Если все же различать понятия гипермодернизма и супермодернизма, то нечеткие границы можно провести, только говоря о частностях: последнее понятие уделяет больше внимания сочетанию новейших технологий и информации, нежели взаимодействию современных технологий и биологии. Супермодернизм представляет собой шаг за пределы онтологической пустоты постмодернизма и способен опираться на вероятные истины. Авторы книг «After Theory» Терри Иглтон и «Non Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity» Марк Оге отмечают, что в то время, как модернизм сосредоточился на созидании великих истин, а постмодернизм полон решительности их разрушить, то супермодернизм вообще не интересуется выработкой и формированием ценности истин. Вместо этого, информация черпается из источников новых средств массовой информации. Супермодернизм функционирует среди чатов и форумов, избегая нигилистической тавтологии постмодернизма. Поисковые интернет-системы и создание общающихся блогов —

прекрасные метафоры для обозначения действия предмета данного явления, в последнее время уже почти полностью синонимичному гипермодернизму.

В 2006 году британский ученый Алан Кирби обрисовал довольно пессимистичную картину новой культурной парадигмы. Он полагает, что постмодернизм понимает современную культуру как спектакль, за которым человечество бессильно наблюдает и в котором вопросы реальности составляют основную проблематику. Преемником постмодернизма Алан называет «псевдомодернизм», а его определяющим свойством - индивидуальную деятельность как необходимое условие культурного продукта. Отсюда псевдомодернистские культурные продукты не могут создаваться и существовать без психологического вмешательства в них человека. По его мнению, псевдомодернизм это не более чем технологически мотивированный переход к культурному центру чего-то, что всегда существовало. В то время как постмодернизм отдает предпочтение ироничному, знанию или намекам на знание, историю и дуализм, типичным интеллектуальным состоянием псевдомодернизма являются невежество, фанатизм и беспокойство. В свою очередь, типичным эмоциональным состоянием, радикально заменяющим гиперсознание иронии, является *транс* – состояние, в котором человек полностью поглощен своей деятельностью. Вместо невроза модернизма и самовлюбленности постмодернизма, псевдомодернизм отодвигает реальный мир, создавая новое невесомое *нигде* «тихого аутизма». А. Кирби связывает псевдомодернизм с тривиальностью и отсутствием глубины, являющимися

результатом незамедлительного, целенаправленного и поверхностного участия в культуре, ставшего возможным благодаря интернету, мобильным телефонам, интерактивному телевидению и т.д. «Вы кликаете, Вы стучите по клавишам, Вы “вовлечены”, охвачены, принимая решения. Вы - текст, больше нет ничего, нигде нет никакого “автора”, никакого другого времени или места. Вы свободны: Вы - текст: текст заменен. (9)

Развивая теорию псевдомодернизма, А. Кирби приходит к более широкой концепции «диджимодернизма» («цифрового модернизма») которую он положил в основу своей книги «Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture», изданную в 2009 году. Он уточняет, что понятие псевдомодернизма является лишь отражением одного аспекта диджимодернизма (10, с. 7). Диджимодернизм осуществляет революцию традиционного искусства, создает новые культурные взаимоотношения и постепенно охватывает текстуальный мир, в котором мы живем. Проще говоря, диджимодернизм представляет собой влияние компьютеризации на все формы искусства, культуры и текстуальности. По мнению А.Кирби, он является доминирующим культурным силовым полем XXI века, в котором культурный ландшафт все время искажается под воздействием гравитационного притяжения определенных идей, тем, тенденций и персоналий. А. Кирби считает, что преобладающим культурным фактором нашего времени, который постепенно затягивает все в свою орбиту и выдает отредактированным по своему образу, является процесс оцифровывания. Именно данный процесс производит революцию традиционного искусства, создает новые

культурные взаимоотношения и постепенно охватывает текстуальный мир, в котором мы живем. Гипотеза диджимодернизма заключается в том, что компьютеризация реструктурировала или реструктурирует каждую известную нам форму текстуальности, не ограничиваясь онлайн-сетевой культурой. Автор подчеркивает, что диджимодернизм является силовым полем, а не идеологией – ни один текст не станет ценнее и интереснее, будучи просто «более диджимодернистским». Большинство из всего созданного под влиянием диджимодернистской текстуальности, по мнению автора, банально, глупо и отвратительно.

Из всех вышеперечисленных концепций, стремящихся охарактеризовать происходящие перемены культурного климата, можно заключить, что попытки дать определение последующей за постмодернизмом эпохи приводят к новым сложностям. Все большее внимание привлекает тот факт, что каждое слово несет в себе старые концепции, в которых можно погрязнуть. Но значит ли это, как считают постмодернисты, что такое положение вещей не оставляет нам вообще никакого свежего способа дать языковое выражение происходящим процессам? Критика постмодернизма и проблемы, которые она поднимает, теперь широко поняты, но все чаще приводят к тупику из-за того, что каждое употребленное слово может оказаться отступлением от старой метафизики. Подобные споры будут продолжать представлять все новые и новые концепции в поисках истины, но это ли не доказательство порождения новой культурной парадигмы – пост-постмодернизма. Бесспорно одно: мы чувствуем присутствие новой эпохи, очертания которой уже заметны, и каждому самому делать выбор принимать ее или

критиковать, следовать ее нормам или принципиально придерживаться норм прошлого. Как это ни парадоксально, но именно от нашего выбора будет зависеть содержание новой культурной парадигмы.

- 1.Potter, Garry and Lopez, Jose (eds.): After Postmodernism: An Introduction to Critical Realism. London: The Athlone Press, 2001.
- 2.After Post-Modernism Conference. University of Chicago, 1998 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.focusing.org/apm.htm>
- 3.City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning. London: Taylor & Francis, 1995.
- 4.Gans, Eric. The Post-Millennial Age. Online Journal of Generative Anthropology "Antropoetics" [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw209.htm>
- 5.Eric Gans. Victimary Thinking Forever? Internet Journal of Generative Anthropology "Antropoetics" [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw230.htm>
- 6.S.R. Eschelma. Performatism, or the End of Postmodernism. Internet Journal of "Antropoetics" 6, no. 2 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm>
- 7.S.R. Eschelma. Performatism, or the End of Postmodernism. American Beauty.
- 8.Bourriaud, Nikolas. Modern. Postmodern. Altermodern? Материалы конференции Ассоциации искусств Австралии и Новой Зеландии, 2005 [электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.artgallery.nsw.gov.au/aaanz05/abstracts/nicolas_bourriau_d

9. Kirby, Alan. The Death of Postmodernism And Beyond, Online Journal "Philosophy now", 2006 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophynow.org/issue58/58kirby.htm>
10. Kirby, Alan. «Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture» New York : Continuum, 2009.

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ